

Литература

1. Горный Е. А. Виртуальная личность как жанр творчества [электронный ресурс] / Е.А. Горный // Виртуальная личность как жанр творчества – Режим доступа: URL: <http://www.netslova.ru/gornyy/vl.html>. Дата обращения: 24.03.2014.
2. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: дисс. д-ра филолог. наук. – Томск, 2002.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
4. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989.
5. Рулева А. С. Александр Яшин. Личность. Поэт. Прозаик. – Л., 1980.
6. Яшин А. Я. Бобришный Угор. – Вологда; Никольск, 1998.
7. Яшин А. Я. Повести и рассказы. – Архангельск, 1980.

*Г. В. Судаков
Вологда*

В. И. БЕЛОВ И ПРОБЛЕМА «ВОЛОГОДСКОГО ТЕКСТА»

Художественные произведения В. И. Белова посвящены изображению вологодской, преимущественно сельской действительности. Поэтический и одновременно реалистический образ Вологодчины, герои со своим мировосприятием происходящего – всё это позволяет ставить вопрос: могут ли произведения Белова служить образцом «вологодского текста»?

Идея «региональности» как набора особых художественных качеств текста, обусловленных свойствами описываемого объекта, появилась сравнительно недавно: её выдвинул в 1984 году и затем обосновал в своих работах, посвященных «петербургскому» тексту В. Н. Топоров (1928 – 2005). То, что возможность претензий того или иного региона на наличие своего регионального текста зависит прежде всего от значимости самого региона в культурной истории государства, было очевидно для автора идеи: «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) – так называлась его первая работа, посвященная обозначенной проблеме (впервые опубликована в 1984 г. в вып. 18 «Трудов по знаковым системам» Тартуского ун-та) [33]. Первый раздел этого сочинения «Петербургская идея русской истории. Петербург – Москва» как раз и был посвящен обоснованию и характеристике особого «мифопоэтического пространства» Петербурга, особо выразительного при сопоставлении с аналогичным образом Москвы. Две особенности «петербургского» текста стали очевидны сразу: 1) высокая историко-культурная и геополитическая значимость региона (города) в истории государства; 2) наличие оппозиционных свойств в объекте, который исторически противопоставлен Москве: две столицы – две эпохи, два непохожих мира; при этом и сам город Петербург с позиций семиотики воспринимается как особый художественный текст – эта часть

концепции В. Н. Топорова была усилена в работах Ю. М. Лотмана [19; 20]. Третья особенность подразумевалась сама по себе: художественно значимый корпус текстов, отражающий Петербург как объект, наделенный особым мифопоэтическим пространством (у Топорова это прежде всего произведения писателей Серебряного века: А. Блока, А. Ахматовой, А. Белого, А. Ремизова; потом сюда добавили Ф. Достоевского).

Сами по себе идеи В. Н. Топорова применительно к Петербургу не были абсолютно новыми. Впервые о феномене некоей цельности произведений о Петербурге, причем их художественного единства, задаваемого самим городом, стал писать в начале двадцатого века Н. П. Анциферов [1; 2; 3]. Впервые Петербург Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Блока описан именно им.

На каких уровнях обычно обозначаются особенности мифопоэтического образа города, в честь которого создается корпус текстов?

Первое – это локус, пространство с его активной функцией строительства среды жизни героев произведений. Для возникновения «текста» (сверхтекста) локус должен обладать наряду с историко-культурной и социальной значимостью мифологическим смыслом. Петербург начинался как царство Антихриста вопреки желанию народа. Литература ищет пути спасения города и его жителей, перерождению его в сакральное место. Благословенное место – место гармонии человека с природой, упорядоченный мир, замкнутый и целостный, самодостаточный и защищенный стеной народной духовности и культуры. Образы места закрепляются в разнообразных и разновременных текстах. См. довольно общее определение понятия «провинциальный текст» в работе Е. Г. Миногиной [24].

Кажется, сейчас для исследователей уже не важно, в какой мере является тот или иной регион мифопоэтическим пространством, освященным множеством посвященных ему высокохудожественных текстов. Перечень региональных текстов то больших, то малых территорий увеличивается день ото дня: московский, волжский, уральский, сибирский, алтайский, северный, кавказский, пермский. Этот размах поддерживается широтой тематики реализуемых научных проектов, см. вышедшие недавно большие книги: «Евразийское пространство. Звук, слово, образ» (М.: Языки славянской культуры, 2003); «Геопанорама русской культуры. Провинция и её локальные тексты» (М.: Языки славянской культуры, 2004). Исследователи уже вышли за пределы России: они изучают парижский и лондонский мифы в русской культуре, мотив моря в одесском тексте, героев венецианского текста, туркестанский и ташкентский тексты. Но привлекательны и малые территории: тексты царицынский, крымский, вятский, томский, тюменский, см., например, сборники: Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. – Вып. 11. В 2 т. М.: МГПИ. 2012; Северный и сибирский тексты русской литературы как сверхтексты: типологическое и уникальное. – Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова. 2014.

Отметим особую значимость для развития исследований «северного текста» работ Е. Ш. Галимовой [13; 14]. Она же дает и более определенное толкование северного текста: «это создававшийся преимущественно на протяжении столетия (с начала XX в. до наших дней) в творчестве многих русских писателей особый *севернорусский вариант национальной картины мира*, наделённый, наряду с индивидуальным, отражающим своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [13, с. 9]. «На уровне поэтики цельность севернорусского текста проявляется в обилии сквозных мотивов и образов (в том числе архетипических), в единстве характера пространственно-временной ориентации художественного мира произведений, образующих этот сверхтекст, в близости авторского восприятия Русского Севера» [13, с. 12].

К каким текстам относятся произведения о Вологодской земле: к северным, как утверждает Галимова, или поморским, как доказывает Лошаков? Мы согласны, что далеко не каждая местность способна породить свой «текст» в художественно-мифологическом смысле. Для возникновения реального «вологодского текста» и потребности его исследования необходима пульсация сильных точек памяти культуры в отношении исторически и культурно значимой территории Вологодчины, что подталкивает к художественной рефлексии по поводу этой территории, освоения вологодского варианта национальной картины мира. Творчество В. И. Белова, безусловно, дает материал для положительного решения данной проблемы.

Одни архангелогородцы (Лошаков А. Г., Белоусова С. В.) характеризуют только поморский текст, не упоминая при этом Вологодчины; другие (Галимова Е. Ш.) в пределы текста Северной территории включают и Вологодскую область, но при характеристике самого северного текста никаких вологодских черт этого текста не указывают. Характерно, что имени В. И. Белова – наиболее яркого представителя современной русской литературы, создавшего первоклассные образцы художественных текстов, архангелогородцы не называют, вероятно, осознавая, что в их параметры «северного текста» Белов не вписывается.

Каковы главные составляющие специфической, региональной картины мира «вологодского текста»: 1) пространственно-временная организация (мифопоэтическая природа пространства, особые художественные ландшафтные характеристики; тема отношений природы и человека, художественное время как единство прошлого, настоящего и будущего. Для В. И. Белова Вологодская земля – мифопоэтическое пространство, таящее в себе в запечатленном виде загадку русской истории, культуры и духовности, самой души России, а также тайну русского художественного слова); 2) система мотивов (пути, поиска, испытания, преображения и т. п.); 3) система сквозных художественных мифопоэтических образов, исходящих из фольклорной традиции (*дом, дорога* и др.); 4) система образов-персонажей как субъектов особого отношения к окружающему миру; своеобразие менталитета местного населения (особый склад мышления). Полагая, что этот набор достаточно проясняет устоявшееся и положительно

оцениваемое определение свертхтекста Н. Е. Меднис, ср.: свертхтекст – «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой целостностью» [23, с. 6].

Для развития исследований «вологодского текста» важно параллельно структурировать и изучить мифологему «Вологодчина» (ср. аналоги, связанные с другими регионами [34; 22]). Для изучения Вологодчины многое уже сделано, но новая задача позволяет по-новому оценить сделанное и создать новую программу «Вологодчина – душа России».

При обсуждении проблемы регионального текста важен вопрос и о выборе самих текстов. В большинстве случаев избираются авторские художественные тексты: поэзия и проза, то есть тексты, где есть мифопоэтическое, образное изображение города (региона) во всей совокупности его составляющих: территория, время, лейтмотивы, система образов, язык. Но постепенно взгляд исследователей переместился на любительскую, графоманскую литературу, местный шансон, лубочные тексты вместо традиционного фольклора. В сборниках «Русская провинция: миф – текст – реальность» (с начала 1990-х годов вышло около десятка книг) наметился выход и за пределы художественного текста: анализируются мемуары, публицистика, сочинения краеведов. Напомним, что для В. Н. Топорова, автора концепции регионального текста, художественный образ топоса создается художественными текстами. Впрочем, по Ю. М. Лотману, семиотическое пространство города есть «котёл текстов»: сюда попадают любые письменные источники, устные высказывания и любые памятники культуры: архитектура, городские обряды, названия улиц и т. д. [20, с. 282]. По концепции Н. Е. Меднис, далеко не всякое семиотическое пространство и пространство не всякой территории порождает «текст» (свертхтекст); для Ю. М. Лотмана и в этом отношении ограничений не существует.

Обратимся к художественным текстам В. И. Белова: трилогии «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой».

Творчеству писателя посвящено много работ, в том числе монография Ю. И. Селезнева [29] и более десятка диссертаций. С литературоведческой точки зрения трилогию исследовали разные авторы [27; 12]. «Кануны» снисходительно и чрезмерно критически оценил А. Солженицын: «Композиция романа не упорядочена... Динамика то и дело расслабляется эпизодами, совершенно ни к чему не прилегающими», критик неоднократно упрекает Белова в «композиционной расслабленности», в «хаосе бессмысленных эпизодов» [31, с. 166-167]. Кажется, этот провозглашённый властями классик литературы не вдумался в то, что название «Кануны» дополнено у автора: «Хроника конца 20-х годов», а «Год великого перелома» – это «Хроника начала 30-х годов». Хроника предполагает неспешное повествование, раскрывающее движение жизни людей на широком природном и историческом фоне.

Добавим, что уровень художественного дарования самого Солженицына невысок. Например, во многих его произведениях вообще не упомина-

ется природа, а там, где вдруг появляется пейзаж, описание не превышает одного предложения. Солженицын – странное явление: русский писатель, не заметивший русской природы! Кроме того, мир для Солженицына бесцветен, в нем нет никаких красок.

Обратим внимание на повторяющиеся во многих работах, посвященных «деревенской прозе», мысли о значимости деревенской темы в русской литературе XX века, в частности, в творчестве Белова: деревня – это образ национального бытия и национальный образ мира, изображение жизни народа, народного характера и передача русского национального сознания.

«Кануны» – идиллическая картина деревни, и здесь центральный образ – дом. В «Годе великого перелома» рушится дом как центр мироздания. В последнем романе – некоторое восстановление равновесия между малым миром дома и большим миром вне Шибанихи.

Другим организационным центром трилогии является топос дороги как аналог человеческого бытия, то есть выбор каждым героем своего пути в жизни.

Далее мы должны учесть комплекс жанров, представленных в трилогии: «Кануны» – семейная хроника (первая и вторая часть романа) и историческая хроника; «Год великого перелома» – историческое повествование; «Час шестый» – семейно-бытовое повествование. Именно семейно-бытовое повествование дает возможность достаточно широкого использования живой народной речи: диалектизмов и просторечия.

Выбор типа повествования организуется с ориентацией на определенную позицию, точку зрения: автора, рассказчика, персонажа. И здесь стоит вспомнить рецензию А. Солженицына, не понявшего этой особенности организации беловского текста: «Все разговоры крестьянские – живые, достоверные до последнего звука. Однако собственный авторский язык Белова не выражен своеобразно, им не приходится наслаждаться. И в нём – меньше богатых живучих русских слов, нежели у Распутина и Астафьева» [31, с. 168]. Дело в том, что есть такие художественные феномены, как несобственно-авторское повествование или несобственно-прямая речь героев, и таких фрагментов у Белова гораздо больше, чем собственной авторской речи. Куда же их отнес ретивый критик: это речь героев или речь автора? По форме – речь автора, а по типу повествования – речь героев, в том числе и больше всего героев из крестьян. Да, это язык достоверный, народный, а не тот, который предлагает Солженицын в своем «Русском словаре языкового расширения», где, как он признается, «многие разъяснительные примеры дословно взяты из Даля» [32, с. 4]. Кстати, отсылка к Дально в этом словаре нет, что и сколько взято из Даля – не указано. Зато есть список авторов, чьи речения включил Солженицын в придуманный якобы им словарь: среди 27 русских писателей, начиная с Пушкина, упомянут и В. И. Белов.

И ещё по поводу оценки Солженицыным речи беловских героев: «Все разговоры крестьянские – живые, достоверные до последнего звука». Детство Солженицына – «знатока» северной крестьянской речи прошло на

юге, а юность и последующие годы, за вычетом лагерных, – в городе. То, что в авторской речи Белова нет обилия авторских окказионализмов, как у Астафьева, – это свидетельство в пользу Белова: к языку он относился честно, как учил ещё Н. В. Гоголь. Словом, небрежное замечание А. Солженицына не может быть принято за объективную оценку художественного языка В. И. Белова.

Работ, посвященных языку писателя В. И. Белова, мало. Специально диалектизмам в художественной речи писателя посвящено монографическое исследование Е. П. Бугрий, выполненное в 1986 г. в ЛГУ [10]. Значительный корпус диалектных речений представлен в словаре «Народное слово в произведениях В. И. Белова», составленном проф. Л. Г. Яцкевич [25]. Диалектизм в художественном тексте обязательно используется как стилистическое средство, то есть обладающее яркой образностью, выразительностью. Известные функции диалектизмов: для создания местного колорита и для характеристики речи героев – требуют семантической прозрачности употреблённого слова (или фразеологизма), то есть представления смысла этого речения с помощью контекста. Какие приемы раскрытия значения диалектизма использует В. И. Белов?

Первая возможность раскрыть значение диалектного слова – широкий контекст, то есть несколько слов или целая фраза. Блюдо из овсяной крупы называлось *саламат*, ср. его введение в контекст предложения: *После щей они подали горячий саламат: пареную овсяную крупу, щедро одобренную топленым коровьим маслом* [5, с. 119]. Диалектологи обычно приравнивают слова *саламат* и *саламата*, а для Белова *саламата* – это блюдо из толокна, то есть из овсяной муки.

Приведем пример, где автор использует для толкования большее количество элементов контекста: *Таисья Ключина приманивала своих овец ржаной горбушкой. – Таисья, а ты хлебец-то посолила ли?.. Посоли, девушка, посоли урезок-то* [4, с. 171]. Таким образом, *урезок* – это горбушка, кусок хлеба. Полный набор примеров со словом *урезок* «отрезанный кусок хлеба» из романа «Кануны» приводит Л. Г. Яцкевич [25, с. 136].

Прямо в тексте писатель разъясняет смысл выражения *щи постные* (другое название блюда *сухарница*): *... сухарницу сами сделали: Евграф разминал сухари в ладонях, сыпал в большое глиняное блюдо с похлебкой. Такими щами в посты испокон веку называли овсяную заспу, сваренную с картошкой и луком* [9, с. 408]. Заметим, что это более конкретное объяснение значения, чем в «Словаре вологодских говоров»: *Сухарница* – «кушанье из толченых сухарей, залитых горячим молоком. Супом или кипятком» [30, с. 164].

В тексте поясняется и слово *выскырь*: *- Стащим под выскырь. - Большая толстая ель упала от урагана лет пять назад. Она корнями выворочила большую болотную яму* [9, с. 593].

Второй способ раскрытия значения – это пояснение смысла диалектизма в тексте посредством общеупотребительных средств: *Он принес дров, открыл челисник – дымовую дыру – и затопил каменку* [5, с. 6]. Речь идет о

Носопыре: он жил в бане, которая топилась по-черному, то есть печь (каменка) не имела трубы, поэтому вверх в стене было отверстие для выхода дыма – *челисник*. В другом месте значение этого слова поясняется авторским примечанием: *Дым от каменки уходил в чилисник под низкой крышей избышки* (примечание: *отверстие под потолком для выхода дыма*) [9, с. 480].

Третий приём – это толкование диалектизма с помощью литературных синонимов. Приведем пример, связанный с внутренней речью Носопыря, который рассуждает о святочных забавах ребятишек: *В святки и я бывало дразнил бобылей. Пуская дикасятя, больше не выйду* [5, с. 7]. Обратим внимание, что вначале автор употребляет общелитературный глагол *дразнить*, а затем диалектное *дикасятя*. По Далю, *дикаситься* – от слова *дикий* [17, т.1, с. 436].

Похожий факт по особенностям употребления диалектного слова встретился в описании деревенской драки: [Отец Николай] *Схватил какого-то усташинского парня с колом. Парень задрыгал ногами и выронил уразину* [5, с. 261]. Значение слова *уразина* понимается без затруднений, так как первоначально это орудие было названо *колом*. Ср. *уразина* – *крепкая палка, дубинка* [11, с. 299]. Слово *уразина* от *разить* «бить, ударять» зафиксировано уже Далем [17, т.4, с. 31].

Аналогичные факты отмечаются в романе «Год великого перелома»: «*Поддавайте овечку мне...*». *Нечего делать. Пошла хозяйка в хлев за чичкой* [4, с. 140] (*чичка* – от подзывного междометия *чи-чи*); «*Я ему, дьяволу, вихлет сломя* (прим автора: *хребет*)... – Моржам будешь спины ломать, гражданин Миронов» [Год, 238]. Здесь наблюдается некоторая избыточность в пояснении смысла слова *вихлет*: и авторское примечание, и контекстное пояснение *стина*.

Сравнительно нечастый прием «цитатности», то есть употребление слова с ссылкой «*по-здешнему*», «*другими словами*» также позволяет писателю вводить в текст диалектизмы этнографического плана: *Шибановцы городили лесной огород, по-здешнему осек, опоясывая поскотину и отделяя её от хлебных полей* [5, с. 185]. Ср. в вологодских говорах *осек* – это и «изгородь, ограда», и «огороженное лесное пастбище» [11, с. 180]. В романе «Год великого перелома» слово употреблено в женском роде: *Шибановцы общей артелью ещё ходили в осеку, догораживали в лесу большую поскотину* [4, с. 285].

Ср. ещё пример: *Кандейка в деревне, другими словами потребиловка вроде зыринской лавки, размещалась в другом конце* [4, с. 304]. Слово *кандейка* в этом значении не фиксируется вологодскими диалектологами. *Потребилровка* «магазин сельской потребительской кооперации» – факт общерусского просторечия. Напомним, что словарь русского просторечия пока не создан, в состав словарей литературного языка просторечные элементы не попадают; хотя просторечие – общерусское явление, просторечные выражения часто относят к диалектизмам.

Иногда писатель занимается сравнением местных говоров, подчеркивая разнообразие укладов и говоров даже соседних деревень: *Вспахать надо было всего один загон, как называли в Шибанихе полосы. (В Ольховице говорили почему-то не загон, а повыток)* [4, с. 282]. Индивидуальные участки селян чаще называли *полоса* (это слово и приводит В. И. Белов как общеупотребительное), в Шибанихе это – *загон*, в Ольховице – *повыток*, а вообще в вологодских говорах *повыток* – «земельный надел на одну душу или на одну семью» [11, с. 203].

Есть несколько излюбленных писателем слов, которые он употребляет несколько раз, не объясняя как-то дополнительно их смысл. Это, например, многозначный глагол *выпростать*, *выпростаться* «освободить, освободиться, выйти»: *ребятишки, получив по гостинцу, выпростили избу* [5, с. 90], наречие *наразу* в значении «сразу, не откладывая, попутно»: *–Экой он бес, экой мазурик, – расстраивалась Марья, наразу пришивая рукав к тулупу* [5, с. 34]. Л. Г. Яцкевич предложила толковать это наречие – «в таком случае» [25, с. 76], но, судя по контекстам, её толкование сомнительно.

Рассмотрим ещё один прием «семантизации» (разъяснения смысла диалектизма) – это авторское примечание. См. пример: ... *он оставлял Роговых, как говорится, «на верхосытку»* [4, с. 121]. «*На верхосытку*» сопровождается примечанием автора: *на закуску, на заедку в конце трапезы* [4, с. 607]; ср.: лакомое кушанье, подаваемое в конце обеда или ужина [11, с. 35]. Обратим внимание на то, что здесь автор и выражение взял в кавычки («*на верхосытку*»), да ещё и предупредил словами «*как говорится*» о факте цитации выражения из народной речи. Говорить о непродуманности, стихийности народных речений у Белова в этом случае уж никак не приходится.

Подробно разъясняет писатель смысл слова *веко*: «*плетеная из дранок, плоская корзина для хранения сушеных грибов, ягод и и. д.*» [4, с. 285]. Напомню, что *веко* Самовариха превратила в *зыбку* – колыбель для малыша. В вологодском словаре *веко* объясняется как крышка от корзины, что неправильно.

Писатель своими примечаниями помогает разобраться в разнообразии сельских изгородей и проходов через них: *Вера открыла отвод, и Павел, не глядя на жену, направил мерина под гору... больно много надо открывать отводов и раскладывать заворов, если ехать полями* [4, с. 292, 293]; *Краснофлотец перемахнул через завор* [9, с. 472] – примечание автора: *жерди, которыми закладывают проезд в изгороди*; ср. аналогичное примечание к слову *завор* в рассказе «Утром в субботу»: *Завор – проезд в лесной изгороди, закладываемый жердями* [8, с. 433]. *Отвод* – это тип ворот в полевой изгороди, они подвешивались к основному столбу, ворота можно было отводить, отводы мастерили там, где проезжали часто; *завор* – тип прохода, где между столбами (колыями), вставляли жерди. В этом случае сомнительны показания диалектного словаря, где *завор* и *отвод* толкуются однозначно как «разборное звено изгороди» [11, с. 82, 182].

Любопытно сравнить подачу того или иного диалектизма в разных произведениях писателя. Так, *лога* в «Канунах» не объясняется как-то специально, а в «Привычном деле» есть примечание автора «скошенная, предназначенная на сено трава», при этом приводится описание *кошенины* [7, с. 148]. Севернорусское *чунки*, несколько раз употребленное в трилогии в достаточно ясных контекстах, в рассказе «Утром в субботу» автором пояснялось: *Чунки – санки, салазки* [8, с. 436].

Некоторые разъяснения автора становятся подробными и превращаются в этнографические справки. Дороги сердцу писателя деревенские развлечения *горюн* и *столбушка* (*звать, идти к столбу, выйти от столба*, где *столб* в значении «занавешенный в углу за печью закуток для беседы парня с девушкой один на один», см.: *Натаסקали скамеек и широких домо-тканых подстилов для занавешивания запечных углов, ожидалось не менее пяти-шести горюнов и столбушек* [5, с. 36]. А вот и более подробное разъяснение самой процедуры: *...матрос Василий Пачин ... был зван к горюну. Селька Селиванов вызвал его и провел за печь, где только что сидел с кем-то из девок. Откинув плотную, сделанную из одеяла завесу, он показал направление и матрос ступил в темноту. У стены в закуте стояла короткая скамья... У столбушки парень с девицей не сидели подолгу. Она уходила и звала по его заказу другую. Потом должен был уйти и он сам и позвать того, кого попросит та, которая остаётся, и так продолжалось весь вечер. Если же кто-то с кем-то засиживался, то это был уже горюн, и приходилось заводить новую столбушку* [4, с. 100-101]. «*Неужто сделает головешку, не придет*». *Головешка* – это когда отказывают и не идут к столбу [4, с. 101], слово *головешка* в значении, раскрытом В. И. Беловым, пока не учтено в диалектных словарях. Судя по данным вологодских диалектологов, эта игра и соответствующие названия представлены только в Харовском районе [11, с. 57, 268]. Учтем, что столбушки становятся важным элементом в развитии взаимоотношений героев, кроме того, они характеризуют целомудренную деревенскую этику, см. описание этой игры в «Ладе» [6, с. 299 - 300].

Чем объясняется неодинаковое стремление писателя сделать диалектизм семантически прозрачным за счет средств контекста, дополнительных пояснений или оставить смысл диалектного слова непроясненным? По-видимому, только разной содержательной значимостью диалектных речений, поэтому остается без разъяснения географическая терминология (названия явлений природы, форм рельефа и т. п.), этнографическая номенклатура, особенно, если называемые предметы и явления не участвуют в развитии сюжета.

Диалектизмы, характеризующие внешность человека, его поведение и черты характера, часто используются в речи персонажей, и они отличаются повышенной оценочностью и экспрессивностью и тоже не всегда нуждаются в уточнении значения.

Где преимущественно употребляются диалектизмы: в авторской речи или в речи героев? Конечно, во втором случае. Более того, местные рече-

ния, включенные в авторский текст, разъясняются автором более старательно, чем выражения из речи героев.

Некоторые слова, употребляемые писателем, зафиксированы диалектологами в других вариантах: названия санок с сиденьями у Белова *корёги* [5, с. 149] – *корёжки* [8, с. 432]; в словаре «Вологодское словечко» со ссылкой на верховажские записи приводится *корёхи* – *корёшки* [11, с. 123]. Эти и подобные примеры убеждают, что, рисуя картины сельского быта, В. И. Белов опирался на собственное знание быта и культуры жителей Харовского района, где прошли его детство и юность, где созданы многие его произведения.

В целом диалектизмы употребляются нечасто: в «Канунах», учитывая даже повторы, не более пятидесяти лексических диалектизмов. Причем автор не стремится их сделать незаметными, наоборот, выбирает самые яркие, семантически выразительные и эмоционально насыщенные, подчёркивает их необходимость при описании деревенского быта и тем самым показывает самобытность, автономность крестьянского мира, его самодостаточность в материальном и культурном отношении. В романе «Кануны» местные слова становятся понятны в контексте и благодаря семантике корней: *беремя, вечеровальники, вутре, вязы, пустоголовое, рыльник, с одно-разки, ступни*. В романе «Год великого перелома» многие диалектные слова в большинстве случаев понятны в пределах словосочетаний: *впусте, большуха* (в выражении *хозяйка-большуха*), *рукотёрник, утороку не найдешь, пойти впремь, корова помыркивала, аредом взять, самосильно, загаркать народ* (*Хотелось Куземкину гаркнуть ещё раз, победно и торжественно заорать на весь белый свет* [4, с. 275]), *отумиться с холоду, труба кужлявшлась, пригоножки* – *пригоношки* (ср.: *гоношиться*), *дорога пакнула, ежедень*. Кроме того, некоторые из них и не являются диалектизмами: *кужлявиться, самосильно* – общерусское просторечие, *впусте, пойти впремь* – вероятные индивидуально-авторские окказионализмы.

Таким образом, выбор и описание хроноса и топоса, оценка всего происходящего в деревне через сознание и голоса главных персонажей с опорой на менталитет жителей вологодской деревни Шибанихи свидетельствуют о том, что В. И. Белов создал текст, соответствующий по своим качествам определению «вологодский текст».

Литература

1. Анциферов Н. П. Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – Пб., 1922. – 226 с.
2. Ациферов Н. П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов. – Пб., 1922. – 227 с.
3. Анциферов Н. П. Петербург Достоевского / Н. П. Анциферов. – Пб., 1923. – 106 с.
4. Белов В. И. Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов // В. И. Белов. – Собр. соч.: в 7 томах. – Том 4: Романы. – М., 2011. – 616 с.

5. Белов В. И. Кануны: Хроника конца 20-х годов / В. И. Белов. – М., 1994. – 480 с.
6. Белов В. И. Лад. Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – М., 1898. – 422 с.
7. Белов В. И. Привычное дело / В. И. Белов. За тремя волоками: Повести; Рассказы; Очерки. – М., 1989. – 527 с.
8. Белов В. И. Утром в субботу (Из записной книжки) / В. И. Белов. За тремя волоками: Повести; Рассказы; Очерки. – М., 1989. – 527 с.
9. Белов В. И. Час шестый: Роман / В. И. Белов. – Собр. соч.: в 7 томах. – Том 4: Романы. – М., 2011. – 616 с.
10. Бугрий Е. П. Лексические и фразеологические диалектизмы в прозе В.Белова (способы семантизации) // Е. П. Бугрий. – Автореферат дисс. канд. филол. наук. – Л.: ЛГУ. – 1986. – 18 с.
11. Вологодское словечко. Изд. 2. – Вологда, 2011. – 344 с.
12. Гаврилова Н. А. Романы В. И. Белова «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый» как художественная целостность // Н. А. Гаврилова. – Автореферат дисс. канд. филол. наук. – Череповец. – 2002. – 24 с.
13. Галимова Е. Ш. Северный текст русской литературы как сверхтекст // Е. Ш. Галимова / Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. – Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова. – 2010. – С. 8-15
14. Галимова Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Е. Ш. Галимова / – Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Вып. №1. – 2012. – С. 121 – 129.
15. Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. – Архангельск. – 2011. – 505 с.
16. Геопанорама русской культуры. Провинция и её локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры. – 2004. – 672 с.
17. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1978.
18. Евразийское пространство. Звук, слово, образ. – М., 2003. – 584 с.
19. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. – СПб., 2002. – С. 208-220.
20. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1996. – С. 297-334.
21. Лошаков А. Г. Поморский текст в контексте современной научной парадигмы // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. – Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова. – 2010. – С. 3-7/
22. Матонин В. С. Социокультурное пространство северной деревни: структура, семантика, генезис. // В. С. Матонин. – Дисс. на соискание уч. степени доктора культурологии. – СПб., 2015. – 326 с.
23. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. – Новосибирск: 2003 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://knie.orod.gmsib.ni/files/36.rar>
24. Миногина Е. Г. Провинциальный текст // Е. Г. Миногина // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – №3. – С. 50-56.

25. Народное слово в произведениях В. И. Белова. Словарь / сост. Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2004. – 214 с.
26. Русская провинция: миф – текст – реальность. – М., СПб., 2000. – 491 с.
27. С разных точек зрения. «Кануны» Василия Белова. – М., 1991. – 240 с.
28. Северный и сибирский тексты русской литературы как сверткостексты: типологическое и уникальное. – Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова. 2014. – 384 с.
29. Селезнев Ю. Василий Белов. – М., 1983.
30. Словарь вологодских говоров. Вып. 10. – Вологда, 2005. – 182 с.
31. Солженицын А. Василий Белов // А. Солженицын // Новый мир. – 2003, № 12. – С. 54-169.
32. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. – М., 1990. – 247 с.
33. Топоров В. Н. «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) / В. Н. Топоров. – Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995. – С. 259 – 367. См. отдельное издание: Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. – СПб., 2003. – 617 с.
34. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // В. И. Тюпа / Сибирский филологический журнал. – 2002. – №1. – С. 27-35.

О.Н. Гусева
Вологда

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Деревенская проза как яркое явление в истории русской литературы представлена рядом самых разнообразных творческих индивидуальностей: В. В. Овечкин, Ф. А. Абрамов, С. П. Залыгин, А. Я. Яшин, Е. Я. Дорош, Б. А. Можаяев, В. Г. Распутин, В. П. Астафьев и др.

Но одним из самых значительных авторов, в творчестве которых наиболее полно и отчетливо репрезентирована концепция данного литературного направления, можно по праву назвать В. И. Белова.

Среди неоспоримых достоинств творчества этого писателя стоит отметить особый, (амбивалентный) тип мировосприятия, воплотившийся в его художественных текстах. С одной стороны, будучи выходцем из крестьянской среды русского Севера, В. И. Белов хорошо знал и понимал народную культуру, ее сущность, с другой же стороны, образованность и начитанность автора, приобщение к городской культуре позволили ему взглянуть на мир русской деревни со стороны, охватить его наиболее полно. Всё это нашло отражение не только в области структуры и поэтики его произведений, но и на языковом уровне организации текстов.

Как отмечает В. А. Оботуров, «<...> крестьянский сын Белов, который сам вырос в деревне и немало поработал на равных со своими земляками,